

Дворкович Владимир Яковлевич

30.12.1937 - 29.06.2005

Владимиру Яковлевичу Дворковичу, видному шахматному деятелю России, международному арбитру, 30 декабря 2007 года исполнилось бы 70 лет. Дожить до своего юбилея ему не было суждено. Он умер в июне 2005-го, а родился в декабре 1937-го в Таганроге.

«Ощущение такое,- пишет Владимир Крамник,- что после ухода Владимира Яковлевича ушла и эпоха, в которую он жил и приносил пользу нашему общему шахматному делу». Унесший с собой эпоху... Слова — из недавно вышедшей книги воспоминаний «Коэффициент Дворковича» редактор-составитель Гагик Карапетян, многолетний автор «НСлова».- Прим. ред.)

Книга — трогательное напоминание о том, как высоко цтили этого человека и специалиста в кругу близких ему людей, друзей и знакомых и, конечно, во всем шахматном сообществе, в этом прекрасном и яростном мире гениальных тактиков и вдохновенных стратегов, стальных характеров, мире роковых поединков, жестких конфликтов и необузданных честолюбий.

Сказать на ее страницах доброе слово об арбитре, о судьбе, чье рискованное дело — судить, а значит, и быть судимым, сочли для себя делом чести и другие чемпионы мира разных лет — Василий Смыслов, Борис Спасский и Анатолий Карпов. Они, шахматные короли, могли по-разному относиться друг к другу. Могли даже не слишком любить друг друга, а то и откровенно недолюбливать. Но во мнении о Владимире Дворковиче они едины: душевная теплота и бескомпромиссная справедливость удивительно совмещались в этом человеке, естественные, как природный дар.

Книга воспоминаний — знак благодарного внимания к памяти международного арбитра. И, надо сказать, весомый, но не единственный знак. В Таганроге, на его родине, проводится теперь турнир «Мемориал Владимира Дворковича». А в Москве его имя носит [Шахматная Гостиная](#), поистине уникальное «учреждение», аналога которому в России, наверное, нет. Разве что по своей многопрофильности гостиная напоминает спортивные дворцы, способные становиться и ледовой ареной, и футбольным полем, и концертной площадкой. Но в отличие от них ей не приходится изменять свою конфигурацию, исполняя различные функции. Это и музей шахматной истории, и библиотека шахматной литературы, и центр общения, так сказать, высшего шахматного общества, и арена проведения детско-юношеских соревнований, и, наконец, учебный центр, где проходят подготовку под руководством замечательных шахматных педагогов юные воспитанники, начиная от самых маленьких.

Шахматная гостиная, созданная сыновьями Владимира Дворковича Аркадием и Михаилом, стала, наверное, единственным в своем роде, как по форме, так и по содержанию, свидетельством любви к отцу и его делу, к предмету его профессиональной и сердечной привязанности. Память о дорогом человеке, не принимая традиционный вид памятника на городской улице, обрела свой приют, свои стены, неожиданно наполненные жизнью и движением, где даже прошлое никогда не становится прошедшим. Не переставая быть чем-то глубоко личным, интимным, эта память вышла далеко за пределы родственного круга и двинулась, прямо скажем, в неосвоенном направлении, вышла на люди, стала, если хотите, общественно значимой, общественно полезной.

Оригинальная дань памяти, как и вообще такое внимание к жизни и деятельности шахматного арбитра, во многом выглядит, по-моему, чем-то беспрецедентным — на фоне утвердившейся у нас практики. В этом внимании можно даже ощутить определенный (и долгожданный, замечу от себя) вызов сложившейся у нас традиции. Что я имею в виду? А то, что у нас уже давно как бы обозначился само собой тот «джентльменский» набор профессий, которым как будто только и могут посвящать себя весьма незаурядные личности. А что же здесь?

Не актер, не ученый, не писатель, не политический деятель и даже не звезда шоу-бизнеса - шахматный арбитр. Вам доводилось когда-нибудь слышать о том, что и на этом поприще способен проявить себя наш одаренный соотечественник? Это даже не футбольный судья, хотя и там среди судей памятных фигур — раз-два и обчелся. А много ли сохранилось на нашей памяти судейских имен, безусловно и талантливо определявших правовой порядок на черно-белом клетчатом поле? Даже искушенный любитель шахмат со стажем, поломав голову, быть может, вспомнит такие имена, как Макс Эйве, Гидеон Штальберг и Юрий Авербах, некогда часто мелькавшие в дни крупнейших матчей и турниров. Да и то, пожалуй, лишь потому, что все они переквалифицировались в арбитры из международных гроссмейстеров, с уже приобретенными в турнирах именами. А ведь и у нас были, были, надо полагать, арбитры, достойные того, чтобы «осесть» в памяти потомков. Не удосужились признать их таковыми. Но когда-нибудь с таким расточительным беспамятством надо кончать.

Владимир Дворкович, между прочим, не был гроссмейстером. Да, мальчишкой играл в шахматы во Дворце пионеров, стал перворазрядником. Но судить турниры, вняв, видно, голосу призвания, начал в необычайно раннем для этой специализации возрасте — с пятнадцати лет. И стал с годами «чистым» судьей. Добиться того непререкаемого авторитета, которым он пользовался в этом качестве, было ему, скорее всего, труднее, чем титулованным международным гроссмейстерам. Но он добился своего.

Уже сказано о том, как оценили профессиональные качества этого арбитра самые строгие эксперты — чемпионы мира. Мне, не самому большому знатоку шахмат, к этому добавить нечего. Да это и не входит в мою задачу. Не пишу я и биографический очерк о весьма непростой жизненной судьбе шахматного арбитра, о чем хорошо сказано в уже упоминавшейся книге. Мне же хотелось бы обратить внимание на нечто такое в его именно шахматной жизни, что само по себе далеко выходит за пределы шахматной доски. И что важно не только для любителей этой игры, каким бы значительным ни было их число. Так вот, было нечто в этом человеке еще неназванное, недооцененное, что исподволь, но неуклонно, год от года, наращивало к нему уважение. И делало значимой фигурой отнюдь не для одного профессионального сообщества.

Мне неоднократно приходилось видеть Владимира Дворковича в дни и часы крупнейших шахматных турниров, когда за досками сходилась цвет мировых шахмат. И всякий раз, не меньше, чем великолепными комбинациями победителей, я тихо восхищался этим человеком — его рассудительностью и поразительным умением держать себя в руках. Бывало, к нему подходили или подбегали участники поединков, разгоряченные борьбой и какой-то, видимо, спорной ситуацией, вызванной различным толкованием регламента, и он, как ни в чем не бывало, сохраняя абсолютную невозмутимость, быстро и деловито разрешал возникшие проблемы. Он остужал страсти исключительным знанием всей совокупности шахматных правил и своим умением всегда держаться подчеркнуто невозмутимо, что, конечно, не прибавляло ему здоровья.

По своему характеру, по всему складу натуры Владимир Яковлевич производил впечатление человека на редкость обстоятельного и совершенно не конфликтного. Рассудительный, тактичный, неспешный в своих заключениях, он, мне казалось, несколько тяготился своей вынужденной публичностью. Бывал, скорее, больше удовлетворен, когда его оставляли в покое, чем когда докучали вниманием, даже лестным для него. Он и род деятельности, могу предположить, интуитивно или продуманно избрал в точном соответствии со своим характером и природой — именно такие люди и должны были иметь дело с шахматами, этой «тихой настольной игрой», с шахматистами, отборным отрядом спортивной интеллигенции, мастерами «гимнастики ума».

Скромнейший, неконфликтный, подчеркну еще раз, человек, родом из чеховской провинции, внимательно присмотревшись к тому, что происходит вокруг, вроде бы нашел для себя в начале 50х годов прошлого века, в беспокойном XX столетии, укромный «приют спокойствия, трудов и размышлений». Тот уголок игры, где, казалось, нет места произволу и лицемерию, где и короли, и пешки — все деревянное, закоулок тишины и неспешных, несуетных, во многом как будто оторванных от запутанных узлов жизни и времени, от его идеологии, истошной пропаганды и прочих атомно-космических занятий.

Но куда в действительности попал, в какую обстановку угодил скромнейший российский интеллигент, связав свою жизнь с «тихой настольной игрой»? Став профессиональным арбитром, вынужденным разрешать споры сильнейших гроссмейстеров планеты? Так сказать, по долгу службы обязанный отныне то и дело обнажать свою позицию, вмешиваться во все отнюдь не тихие конфликты, возникавшие в профессиональной среде и не только к ней имевшей отношение?

Отвечая на эти вопросы, придется дать хотя бы беглую характеристику различным в разное время роли и месту шахмат в жизни страны и мира в целом. Да, когда-то так и было: тихая настольная игра. Пока у нас не была воспитана плеяда выдающихся ее мастеров, пока на мировой шахматной арене не стали господствовать представители «непобедимой советской шахматной школы». А это стало с некоторых пор особенностью нашей пропаганды: важнейшими «отраслями жизни» провозглашать те, где мы опережали остальной мир. Успехи в шахматах, как впоследствии в космосе и в хоккее, стали «олицетворением неоспоримых преимуществ нашей социалистической системы». Правда, и раньше, в эпоху Александра Алехина, шахматного гиганта с изломанной судьбой, вокруг «тихой игры» возникали шумные завихрения, и тема того, каким же образом необходимо решать вопрос о мировом шахматном первенстве, начинала напрямую волновать отнюдь не одних ведущих гроссмейстеров.

Жизнь этого международного арбитра пришлось на очень непростые для страны и общества десятилетия. Шахматная доска превращались в ристалище, в поле битвы, в арену ожесточенных сражений, как политического, так и коммерческого характера. Предпосылки к этому, осязаемые еще в те годы, когда шла борьба за утверждение на международной арене приоритета советской шахматной школы, всякий раз становились свершившимся фактом, когда над этим приоритетом нависала «смертельная угроза». Всякий раз возникавшее великое шахматное противостояние связывалось с конкретными именами выдающихся шахматистов, которые воспринимались советским руководством как идеологические антиподы и даже как злейшие враги государства и политической системы.

Среди этих имен на памяти ныне живущих поколений разных лет и разных обстоятельств — Роберт Фишер, Борис Спасский и Виктор Корчной, а позже — Гарри Каспаров, что совсем уж стало продуктом предпрестрочной красной горячки «нашей партии», поскольку Каспаров был и оставался гражданином СССР и не выражал намерения куда-либо эмигрировать. Но этот конфликт, вслед за Багио и Мерано, со всей очевидностью показал, что бал на доске открыто берутся править отнюдь не деревянные короли и что стратегия побед куется отныне уже не в «тайных подвалах» иных империй, но в явных апартаментах, расположенных по всемирно известным адресам.

Шахматные часы, как окончательно выяснялось, хотя это и не кремлевские куранты, безошибочно отсчитывают не только драгоценные мгновенья шахматных поединков, но и с такой же точностью параллельно показывают и второе время — текущей современности.

Если, конечно, поединки проходят не где-нибудь в тенистом уголке летнего парка отдыха и за доской не досужие любители, а истые профессионалы, устремившиеся или готовые устремиться на штурм шахматного Олимпа. Роль шахматного арбитра, такого как Владимир Дворкович, в этой обстановке уже не была прежней, довольно малозаметной, проходной.

И вот что примечательно. Никогда не декларируя своих политических принципов, этот непубличный человек, державшийся и на людях как-то особняком, не смешиваясь со всеми остальными, становился на редкость заметным, принципиальным и бесстрашным, когда обстоятельства складывались не в пользу тех, кого он хорошо знал и глубоко уважал как шахматистов, как граждан своей страны. Он всегда, подчеркиваю, всегда дружески пожимал руку выдающемуся гроссмейстеру Виктору Корчному. Не изменил этой привычке и в те годы, когда большинство отечественных спортивных чиновников, да и многие ведущие гроссмейстеры, не в силах преодолеть инстинкт политического угодничества, сторонились этого «отщепенца» и «предателя Родины», обходя его за семь верст. Он бесстрашно вошел в команду Гарри Каспарова в те годы, когда сам Гарри Кимович вдруг стал по воле наших правящих кругов неподходящим претендентом на титул чемпиона мира и, более того, чуждым нам элементом, коварно покушавшимся на истинно советскую гегемонию в шахматах.

Шахматы при всей любви к ним трудно отнести к тем областям человеческой деятельности, что находятся, так сказать, на переднем крае борьбы за переустройство общества. Как говорится, игра — она и есть игра. Вид спорта. Или даже отдельная область культуры. В любом случае, было бы как будто нелепо представлять даже самым достойным образом исполняющего свои обязанности шахматного арбитра неким значительным лицом в общественной жизни государства. Тем более — отважным борцом с отжившими коммунистическими догмами, проповедником принципов, важных для преобразования общественного климата в обществе, погрязшем в мыслительном застое и всепроникающей несвободе личности.

Между тем, я убежден, что, когда мы говорим о людях, внесших заметный, если не решающий, вклад в преобразование общественной атмосферы всей российской жизни, о тех, кто исподволь создавал для этого прочные предпосылки, то часто неоправданно забываем именно о таких фигурах, к которым принадлежал и Владимир Яковлевич Дворкович. Да, в нем не было ничего от бунтаря, от народного трибуна. И вряд ли кто-то даже из близко знавших его людей припомнит случай, когда Владимир Яковлевич в полный голос или хотя бы вполголоса выступал в роли обличителя советского режима, пытавшегося стеснять свободу не только на одной шестой части суши, но на крохотном квадрате шахматной доски.

Зато все, кому довелось близко знать Владимира Яковлевича, могут свидетельствовать, сколь глубока была его вера в особую миссию шахмат в нашем обществе, в способность этой игры объединять самых разных людей на принципах честного соперничества, регламент которого детально проработан. Он верил и в такое предназначение игры, которой посвятил жизнь, - создавать модели самых разных общественных коллизий, искать и находить в самых головоломных ситуациях единственно верные ходы. И предлагать «шахматные находки» для широкого применения.

Полагаю, что в наше время, в пору разрешенного разномыслия и свободы слова с российским акцентом, при появлении на политической арене разнонаправленных сил, каждая из которых считает себя более правой, чем все остальные, опыт шахматного арбитра, умевшего находить золотую середину в принципиальных спорах и конфликтах, заслуживает особого внимания и пристального изучения. Тем более что проблемы, над которыми бился и многие из которых успешно решал Владимир Дворкович, действительно давно вышли за пределы шахматной доски. И формула, предложенная давным-давно и настойчиво повторяемая в последнее время Гарри Каспаровым, - «шахматы — модель жизни» — во многих случаях оказывается справедливой.

«Шахматные» проблемы теперь ощутимы в разных областях спорта, да и далеко за его пределами — в политике, экономике, общественной жизни. Дворкович был в числе тех, кто решительно выступил против договорных ничьих за шахматной доской. Против обмана зрителей, против имитации борьбы, пускания пыли в глаза. Фактически он угадал в ничейных сговорах элементы коррупции в отделе взятой области общественной жизни, огромной беды, нависшей отнюдь не только над шахматами.

Международный арбитр не остановился на констатации этого факта и установлении диагноза. Он разработал принципиальную трактовку своего взгляда на проблему, дал толкование буквы шахматного кодекса — обосновал различие между договорной, достигнутой по предварительному сговору, ничьей и ничьей, достигнутой в ходе игры, ставшей результатом борьбы, закономерным итогом противостояния достойных друг друга соперников.

Сегодня мы много говорим о том, как осложняется путь к любому решению, к поиску консенсуса, в частности, если то и дело кому-то в угоду меняются правила игры. Не важно где — в политике, экономике, спорте. Дворкович был из тех строгих и бескомпромиссных толкователей (и создателей) правил игры, которые впоследствии строго контролировал, не позволяя никому из участников, ни титулованному гроссмейстеру с мировым именем, ни лишь подающему надежды юному дарованию, посягать на нормы, установленные и объявленные до того, как данное соревнование началось. Шахматы — модель жизни. Правила в шахматах — тот же закон, нарушать который никто и нигде не вправе — ни за шахматной доской, ни в предвыборных баталиях, ни в юридической практике.

Казалось бы, для судьи, шахматного в том числе, нет ничего проще, чем всякий раз выносить решение, исходя из духа и буквы закона. Но и здесь Дворкович не раз убеждался в этом, закон — что дышло. Толкование закона нередко определялось его гарантом, самим судьей и зависело от его характера, который мог быть и твердым, и мягким. Подобная чрезмерная власть арбитра никогда не шла, как он считал, на пользу самому закону и его авторитету. Поэтому международный арбитр уделял первостепенное внимание глубокой проработке шахматных правил, что было необходимо для придания закону подлинной независимости.

Когда распался Советский Союз и на его обломках возникла новая Россия, многие предприимчивые люди из числа политиков, литераторов, кинематографистов, журналистов и прочих заметных фигур прежнего режима стремились предстать перед глазами широкой общественности его жертвами, страдавшими в прошлом за свои несвоевременно прогрессивные убеждения. Они придумывали себе заслуги в «незаметной со стороны» борьбе, которую они якобы вели за принципиальное изменение царившей в стране обстановки всеобщей и всепроникающей несвободы.

Владимиру Яковлевичу Дворковичу (да и многим людям, похожим на него в манере жить и думать), уверен, и в голову не приходило выставлять себя в такой роли. Он никогда не выдумывал себя. Не участвовал в демонстрациях протеста, в других шумных акциях, не декларировал свою прогрессивность. Чего не было, того не было. Каким был, таким был. Но нет сомнений, что международный арбитр, тем не менее, принадлежал к той прослойке советских людей, чей должным образом не оцененный вклад в ликвидацию прежнего государственного гнета, духовного и идеологического, значителен.

Академик Капица, помнится, говорил о двух возможных видах насилия — силового и воспитанием условных рефлексов. Люди, о которых речь, не позволили государству воспитать в них условные рефлексы интуитивного соглашательства и почти незаметной и для себя самих подлости. Они никогда не участвовали в разного рода поощряемых сверху травлях и других деяниях сомнительной направленности.

Владимир Дворкович был из тех, кто всегда поступал так, как он, а не кто-то другой, считал нужным поступить. Всего-то. Всего лишь всегда оставался глубоко порядочным человеком. Всегда говорил и действовал в полном согласии со своими убеждениями человека, который не скажет ни слова против правды. И не совершит ничего, что не согласуется с его нравственными принципами, с теми внутренними законами, которые международный арбитр считал незыблемыми для себя. Этот судья строже всех судил самого себя.

И такая глубокая порядочность в слове и деле, на своем месте, свойственная ему (да и другим подлинным профессионалам и интеллигентам, вне зависимости от их профессии и рода деятельности), и становилась в то непростое время проявлением истинной оппозиционности неформальному режиму. Оппозиционности, замечу, во все времена наиболее действенной и, в конечном счете, наиболее результативной. Именно неучтенная, нигде не регистрируемая партия порядочных людей, не слишком, быть может, многочисленная, больше, чем любая другая сила, чем любая личность любого масштаба, любая организация или группа, включая покидавших страну диссидентов, изнутри размывала основы системы, сложившейся в СССР. Поскольку установленный порядок вещей был несовместим с честностью и порядочностью, повседневной, неизменной, проявлявшейся в большом и малом. А прочность и долговечность любой политической системы определяется именно тем, насколько она согласуется с этими простыми нематериальными понятиями, в какой степени не противоречит им и их не отторгает.

Арбитр пускает часы, когда начинается шахматная партия. Но он же иногда может в какой-то мере и определять время на этих часах. Определять, не отстают ли они от жизни, идут ли «в ногу» с веком. Если это, конечно, первоклассный арбитр.

Использованы фотографии со sport-necropol.narod.ru.

[Митинское кладбище](#)

123627, Москва, Пятницкое ш., 6-й км. Телефон: 8 (499) 650-75-10, 794-50-26. Проезд: м. Тушинская, авт. №741 до конца

[Перейти к месту захоронения](#)
